

КРИСТИНА СОЛЬ



ПРОТИВОЯДИЕ
ДЛЯ МЁРТВЫХ

18+

Кристина Соль

Противоядие для мёртвых

«Автор»

2026

Соль К.

Противоядие для мёртвых / К. Соль — «Автор», 2026

Вера Чистова, вирусолог из Москвы, погибает под обломками собственного дома и приходит в себя в чужом теле. Теперь она Элара, придворная лекарка королевства Аркейн, которое тринадцатую осень проигрывает войну тёмному магу Сераву и его ордам мертвецов. Маги ордена видят в мёртвых заклятие и бьют по ним заклятиями. Вера видит болезнь: с возбудителем, с путём передачи и с тем, чем она питается. У неё нет ни микроскопа, ни лаборатории, зато есть привычка мыть руки, считать и проверять. Король даёт ей три месяца. Дорога к лекарству приведёт её в Тёмный лес, к кордонам мертвецов и в подземелья чёрного дворца, где с первой битвы держат в плену мага, давно записанного в павшие. Он единственный сразу поймёт, что перед ним не та, за кого её принимают. Роман о том, как научный метод выживает в мире магии, о цене ошибки и о двух людях, которых обоих уже однажды похоронили.

© Соль К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обрушение	5
Глава 2. Элара	8
Глава 3. Теория	13
Глава 4. Совет	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кристина Соль

Противоядие для мёртвых

Глава 1. Обрушение

Горячая вода была между лопаток, и я стояла под ней, упёршись ладонями в стенку кабины, пока плечи не перестали помнить девять часов в боксе. После смены у меня всегда один порядок: сначала отмокнуть, потом уже считать себя человеком. Пар затянул стекло, свет лампы над зеркалом расплылся в жёлтое пятно, и пахло ментоловым гелем, который я купила по ошибке и домывала из упрямства.

Руки саднили. К вечеру кожа на пальцах от перчаток и антисептика делается похожей на папиросную бумагу, и никакой крем её не берёт. Мама по этим рукам ставит мне диагнозы: «Вера, ты опять живёшь на работе». Она звонила в обед, я сбросила и пообещала себе перезвонить из дома. Телефон лежал на стиральной машине экраном вниз.

В голове ещё крутилась сегодняшняя серия: культура попалась капризная, завтра пере-сею, послезавтра посмотрю. В моей профессии почти всё решается словом «послезавтра», и к тридцати двум годам я научилась находить в этом покой. Вирусы не торопятся. Мне тоже некуда.

Я подставила лицо под струи и закрыла глаза. В холодильнике ждали вчерашние голубцы, на диване лежал недочитанный детектив, в котором я уже вычислила убийцу и читала дальше, чтобы убедиться. Обычный вторник.

Первой это заметила вода. Струя, которая ровно падала мне на макушку, качнулась, ушла на плечо и вернулась. Я открыла глаза. На полочке мелко задребезжал флакон шампуня о флакон бальзама, и звук был такой домашний, что я подумала о стиральной машине у соседей снизу: у них отжим всегда гуляет по всему стояку.

Потом пришёл гул. Он шёл из-под дома, низкий, на границе слышимости, и я ощутила его ступнями раньше, чем ушами. Поддон подо мной дрогнул и коротко ударил в пятки, один раз, снизу вверх, как бьёт лифт, когда встаёт на этаже. Лампа над зеркалом мигнула. Я успела подумать про тяжёлый грузовик под окнами, бывает же, и додумать мне не дали.

Второй удар пришёл сбоку. Пол рванули из-под меня в сторону, как скатерть со стола. Меня швырнуло плечом о стекло, я съехала по нему на колени и вцепилась в смеситель. Дом заходил ходуном. Он раскачивался весь, целиком, с низким стоном, какого я никогда не слышала от неживых вещей, и в этом стоне лопалось и трещало где-то внутри стен. За дверью ванной рухнул шкаф в прихожей, зазвенело стекло. Этажом выше закричала женщина, и крик оборвался на середине.

Землетрясение, подумала я, потому что другого слова для пола, который уходит из-под ног, у меня не нашлось. Оно всплыло спокойное, из школьного учебника, и ничем мне не помогло. Встать в дверной проём, под несущую стену, это я помнила оттуда же. До двери было полтора метра, пол подо мной ходил, и встать на ноги я не могла.

Свет погас. Темнота упала разом, вода в лейке захрипела и кончилась, из стены зашипела оборванная труба. Сверху посыпалась штукатурка, она застучала по крыше кабины, а потом над головой треснуло так, что звук я ощутила зубами.

Дом продержался ещё несколько толчков. На очередном перекрытия не выдержали. Со стороны лестничной клетки пришёл долгий обвальный рёв, стена ванной выгнулась внутрь, и по стеклу кабины побежали трещины, но каркас удержал. Воздух загустел от пыли. Она забила нос и рот, сухая, с привкусом извести, и я закашлялась, прижимая к лицу мокрую мочалку.

Пол наклонился. Я почувствовала это коленями: поддон поехал, и я вместе с ним, в ту сторону, где минуту назад была стена. Плита подо мной лопнула. Треска я уже не слышала, уши заложило, я только почувствовала, как опора уходит вниз.

Я падала в пластиковой коробке душевой кабины, запертая в ней, как образец в контейнере. Вокруг в темноте рушилась моя квартира, и я воспринимала это кожей и редкими вспышками искр от рвущейся проводки. В их свете мелькали куски бетона, дверца шкафа, холодильник с голубцами, летевший рядом со мной с той же скоростью. Обломки били в каркас, кабину сминало, она скользила в потоке кирпича и перекрытий, как лодка на пороге горной реки, и почему-то не переворачивалась. Третий этаж я узнала по удару. Второй и первый слились в один.

Последний удар пришёл снизу и выбил из меня воздух. Кабина встала. Она застряла на самом дне, в подвале, зажата арматурой и кирпичом, и вокруг сделалось тихо, только где-то капала вода и осыпалась крошка.

Я лежала на боку на разбитом поддоне, прижатая спиной к мятому пластику. Дышать было больно, рёбра справа отзывались на каждый вдох, левую ногу я не чувствовала, и какая-то часть меня по привычке уже составляла перечень повреждений. Сердце колотилось в горле. Живая. Четыре этажа насквозь, и я живая, и надо только дождаться спасателей, они ведь приедут, на такое всегда приезжают.

На какое именно, я не знала. Землетрясение было первым, что пришло в голову, а я вирусолог, и в том, отчего падают дома, понимаю не больше любого жильца. С тем же успехом на крышу мог лечь самолёт, или под фундаментом открылась пустота, о которой никто не подозревал. Разберутся те, кому положено, и мне потом расскажут. Я набрала в грудь пыльного воздуха, чтобы крикнуть.

Завал вздрогнул ещё раз. Слабее, чем прежде, почти лениво, но тому, что висело надо мной, хватило. Наверху заскрежетало, сдвинулась масса, которой я не видела, и плита, потерявшая последнюю опору, пошла вниз. Испугаться я не успела.

Боль ушла сразу, и страх ушёл вместе с ней. Осталась темнота без верха и низа, и длилась она очень долго или одно мгновение, сравнить мне было не с чем. Потом впереди появилась полоска света. Она приближалась и разрасталась в сияющий туннель, и меня тянуло в него, хотя согласия я не давала.

Свет ударил в глаза, и я судорожно вдохнула. Пыли в воздухе не было. Пахло травами, которых я не знала, и озоном, как после грозы.

Бетонных плит надо мной тоже не было. Сквозь пелену я разглядела высокие своды из грубого камня и людей в странной одежде, склонившихся надо мной. Их губы шевелились, до меня долетали обрывки непонятных слов, а вокруг их пальцев переливались и потрескивали искры золотистого пламени, самого настоящего.

Я попыталась пошевелиться. Рука, которую я подняла к лицу, была чужой: уже в запястье, с длинными пальцами, без единой трещины от антисептика.

Чужие пальцы сжались, когда я этого захотела. Я проверила ещё раз, по одному, от мизинца к большому, и каждый послушался с задержкой, какая бывает у отсиженной ноги. Моторика сохранена, чувствительность есть, боли в рёбрах нет. Рёбер, которые болели, по всей видимости, тоже больше нет, и додумывать эту мысль до конца я сейчас не стала.

Голоса надо мной сливались в гул. Один, женский, повторял одно и то же короткое слово, настойчиво, с подъёмом в конце, и на каком-то повторе оно перестало быть набором звуков. Меня звали. Имя было не моё, но в этой чужой голове на него отозвалось раньше, чем я успела удивиться: Элара. За именем потянулись другие слова, они проступали в речи по одному, как проявляются полосы на геле, и вот уже мужской голос сказал совершенно понятно:

— Дышит. Глаза открыла. Уберите огонь, вы её слепите.

Золотистые искры погасли. Под сводами остался серый свет из узкого окна, и в нём я рассмотрела тех, кто стоял надо мной: молодую женщину с пятном сажи на скуле и старика в тёмном балахоне, который держал моё запястье двумя пальцами, там, где считают пульс. Хотя что-то в этом месте делали правильно.

Я была жива. Я повторила это про себя, как результат, в который не веришь, пока не пересчитаешь. Плита упала, это я помнила. После таких плит не дышат и пальцами не шевелят. Выходило, что либо я умерла и ошибалась насчёт всего, во что не верила, либо жива каким-то способом, которого нет ни в одном учебнике. Обе гипотезы требовали данных, а данных у меня пока было мало: каменный потолок, запах грозы и двое незнакомцев, которые смотрели на меня с облегчением, как на свою.

— Элара, — снова позвала женщина, и теперь я поняла её целиком. — Ты меня слышишь? Скажи что-нибудь.

Я разлепила губы.

— Слышу.

Голос, который вышел из этого горла, был ниже моего. И говорил он на языке, которого я никогда не учила.

Глава 2. Элара

Старик отпустил моё запястье не сразу. Он досчитал до конца, шевеля губами, и только потом положил мою руку мне на грудь, бережно, как инструмент, который ещё пригодится.

— Сердце идёт ровно, — сказал он. — Лисса, можешь выдохнуть.

Женщина с сажей на скуле выдохнула на самом деле, шумно, и села прямо на пол. Ей было лет двадцать, и руки у неё дрожали. Имя я услышала от старика, но оно легло на её лицо плотно, как ложится подпись под фотографией в личном деле. Лисса. Орденская, младший круг, прислана в лазарет в начале осени. Любит мёд, побаивается мастера Орвина. Откуда я это знала, я объяснить не могла.

Мастер Орвин, выходит. Я перевела взгляд на старика, и чужая память выдала его без запроса: старший целитель, сорок лет при замке, левое колено ноет к дождю. Картотека, подумала я. В этой голове осталась чужая картотека, и ящики в ней открывались, когда я смотрела на предмет. Пока я не смотрела, там было темно.

— Что случилось? — спросила я. Вопрос был безопасный, его задал бы любой, кто очнулся на каменном полу со свёрнутым плащом под затылком.

— Не помнишь. — Орвин кивнул сам себе. — Маг из третьей сотни, тот, что с ожогом. У него к утру поднялся жар, и он сорвался во сне. Ты как раз меняла ему повязку. Тебя бросило о стену, и ты перестала дышать.

— Надолго?

— Я успел дойти от дальних коек.

В его возрасте и с его коленом это означало минуты две, может, три. Он потёр лицо ладонью и добавил, что Лисса держала меня огнём, пока он шёл, а потом они держали вдвоём.

Золотистые искры на пальцах. Они запускали остановившееся сердце магией, и по запаху озона я догадывалась, что физика у этой магии мне отчасти знакома. Дефибриллятор в этом мире выглядел как перепуганная девчонка с пятном сажки на лице.

Сердце они запустили. Ту, кому оно принадлежало, вернуть не сумели, и знала об этом я одна.

— Спасибо, — сказала я Лиссе. Благодарить её было за что при любом раскладе.

Она мотнула головой и вытерла щёку рукавом, размазав сажу до уха. Меня подняли вдвоём и довели до койки за холщовой ширмой. Ноги слушались с той же задержкой, что и пальцы, пол под босыми ступнями был ледяной, и я шла, глядя на собственные колени под серой юбкой, потому что они сгибались не там, где я привыкла. Элара была выше меня на полголовы. Центр тяжести у неё сидел иначе, и на третьем шаге я едва не села мимо койки.

— До вечера лежать, — велел Орвин. — Встанешь раньше, привяжу.

Он ушёл, припадая на левую ногу, и я осталась одна за ширмой, под чужим одеялом, пахнущим дымом и овечьей шерстью. Первый час я потратила на опись. Этому учат на первом же году работы с опасными агентами: если случилось непонятное, не трогай ничего, пока не перечислишь, что видишь. Видела я вот что. Тело женское, моложе моего лет на шесть, худое, с мозолями на подушечках пальцев и старым ожогом на левом предплечье. Затылок болел, под волосами набухла шишка, зрачки, насколько можно судить без зеркала, реагировали на свет одинаково. Тошноты не было. Язык, на котором я думала, оставался русским, а язык, на котором говорила, включался сам, стоило открыть рот. Если я пыталась поймать отдельное слово и рассмотреть его, оно рассыпалось на звуки. Пока не пыталась, речь работала, как работает ходьба у здорового человека.

Память Элара вела себя похоже. Она отдавала мне лица и коридоры: я знала, что лазарет устроен в бывшей трапезной замка Вестмар, что за дверью в торце находится кладовая с травами, а лестница оттуда ведёт во двор к колодцу. Я знала, как зовут прачку и кто из стражников

ворует яблоки. О самой Эларе картотека молчала. Ни её детства, ни того, о чём она думала по ночам, мне не досталось, и я была этому малодушно рада.

О своей маме я разрешила себе подумать один раз. Она звонила в обед, я сбросила. Телефон остался на стиральной машине экраном вниз, под четырьмя этажами бетона, и где-то там же, в подвале, лежало то, что утром было мной. Мама узнает из новостей. Я додумала эту мысль до конца, убедилась, что сделать с ней ничего нельзя, и убрала её туда, где у меня хранится всё, с чем нельзя ничего сделать. Место это за годы работы стало вместительным.

Потом я села и отодвинула край ширмы. Трапезная была длинная, в два ряда каменных столбов, и своды над ней терялись в копоти. Узкие окна под потолком пропускали серый свет, по стёклам текло: снаружи шёл дождь, ровный, осенний, и шум его мешался с кашлем и стонами. Койки стояли тесно, я насчитала больше шестидесяти и сбилась. На каждой лежал мужчина. Пахло кровью, прелой соломой, гноем и травяным отваром, который кипел в котле у дальней стены, а под всем этим держался тот самый грозовой запах, и я уже понимала, что он означает: здесь недавно работали магией. Вместо факелов вдоль столбов висели железные клетки, в которых горело ровное пламя без дыма и без фитиля.

Я смотрела на это минут десять и не находила в себе паники. Удивление было, усталость тоже, а паника не приходила. Наверное, она осталась под плитой вместе со всем остальным. Или дело в привычке: когда девять часов в день ты проводишь в костюме, под которым у тебя нет права на резкое движение, тело запоминает, что страх обходится дорого и ничего не решает.

Вывод из описи получался такой. Либо я лежу в реанимации и мозг на прощание показывает мне очень подробное кино, либо всё это настоящее. Проверить первую гипотезу изнутри я не могла. Вторая требовала вести себя осторожно и собирать сведения. При обеих разумно было делать одно и то же, а я люблю задачи, где от выбора гипотезы план не меняется.

— Ты зачем села?

Лисса стояла у ширмы с глиняной кружкой. Сажу она так и не смыла.

— Лёжа кружится сильнее, — соврала я.

Она поверила, сунула мне кружку и присела рядом. В кружке была вода с кислым ягодным привкусом. Я пила мелкими глотками и разглядывала свою спасительницу: обкусанные ногти, тёмный орденский балахон не по росту, подвёрнутые рукава. От её ладоней шло ошущаемое тепло, как от батареи.

— Давно хотела спросить, — сказала она. Рукав у меня задрался, и она смотрела на старый ожог на левом предплечье. — Правда, что это от Кэйдана? В ордене рассказывают, он был самый сильный в старшем круге и самый молодой. И что ты девчонкой полезла под его огонь за раненым.

Картотека дрогнула. Лицо она подала не сразу: молодое, без бороды, в свете костра, с тёмными глазами, смотревшими поверх моей головы. Вместе с лицом пришёл страх, чужой, детский, от которого у меня свело лопатки. Потом ящик задвинулся.

— Он погиб в первой битве, — добавила Лисса, не дождавись ответа. — Со всем отрядом.

— Не помню, — сказала я, и это было почти правдой.

— Я думала, всё, — сказала Лисса тихо. — Ты была совсем серая. Мастер Орвин потом сказал, что я влила в тебя вдвое больше, чем можно, и что так делать нельзя.

— А как можно?

— Понемногу. — Она уставилась на меня. — Ты же сама мне объясняла в первый день.

Вот оно. Я поставила кружку на колено и медленно, с видом человека, который ощупывает собственную голову изнутри, сказала, что после удара у меня там дыра на дыре. Лица помню, слова помню, а половина того, что знала вчера, куда-то провалилась.

Лисса закивала с облегчением. Про такое она слышала: у солдат после булав по шлему бывает неделями. Мастер Орвин говорит, возвращается само, только нельзя торопить.

Контузия — универсальное объяснение. Работает в любом веке.

— Тогда помоги мне, пока не вернулось, — попросила я. — Если я спрошу глупость, ответь и не пугайся.

— Да хоть сто глупостей. — Она помялась. — Только одну я сама спрошу, можно? Тому, с ожогом, что давать? Он опять горит, а вчерашний отвар кончился. Ты его сама мешала, я не видела из чего.

Я посмотрела через зал на дверь кладовой. Картотека послушно показала мне полки, пучки под потолком, глиняные горшки с крышками, показала даже руки Эллары, которые растирали в ступке сухие листья. Названий она не дала. Ни одного растения, ни одной пропорции. Лица и коридоры мне оставили, а ремесло хозяйка забрала с собой.

Вирусолог в теле травницы, которая не помнит трав. Где-то в этом была ирония, и я пообещала себе оценить её позже.

— Спроси мастера Орвина, — сказала я. — Мне сейчас нельзя верить даже в том, что я помню. Перепутаю, и будет хуже, чем без отвара.

Это, по крайней мере, было честно. Лисса ушла искать Орвина и от столба оглянулась на меня.

К полудню я встала. Орвин заметил с другого конца зала, погрозил мне издали пальцем и привязывать не пришёл: у него на столе лежал человек с раздробленной кистью, и ему было не до меня. Я пошла вдоль ряда медленно, держась за спинки коек, и смотрела.

Лазарет работал лучше, чем я ожидала, и хуже, чем мог бы. Раны здесь прижигали огнём с ладони, кости складывали умело, а швы у Орвина выходили ровнее, чем у иного хирурга из моей прежней жизни. При этом помощники переходили от койки к койке с одной и той же тряпкой и полоскали её в одном ведре. Руки не мыл никто. Половина повязок в зале промокла жёлтым, и в жару, от которого утром сорвался раненый маг, я бы первым делом заподозрила эту тряпку.

Я не хирург и не инфекционист, моё дело сидит в пробирке и под микроскопом. Но чистые руки у нас вбивают раньше, чем учат держать пипетку.

— Лисса, — позвала я. — Мне нужно ведро кипятка. И щёлок, если есть.

— Заваривать?

— Мыть руки.

Она посмотрела на мои руки, потом на меня, и вспомнила, видимо, про сто глупостей. Принесла ведро колодезной воды, опустила в него ладонь, и через десять вдохов вода пошла пузырями. Я стояла над паром и думала, что в моём институте за такую девушку отдали бы автоклав, две центрифуги и младшего научного сотрудника в придачу.

— Зачем горячая-то? — спросила Лисса, вытирая ладонь о балахон.

— После удара мне так спокойнее.

Она пожала плечами. Причуды у контуженных, надо полагать, тоже были делом известным.

Перевязывать я умела, на это хватало курсов первой помощи и собственных рук. Орвин, увидев, что я не падаю, молча кивнул на ближний ряд, и до вечера я меняла повязки, каждый раз отмывая пальцы до скрипа. Один раз он задержал взгляд на моей правой руке, в которой я держала бинт, покачал головой и сказал, что после такого удара иные и ходить учатся заново, не то что руку меняют. Солдаты называли меня по имени. Память подсказывала их имена в ответ, с опозданием на полсекунды, и за этим опозданием никто ничего не замечал.

Больше всех говорил Олаф, копейщик лет пятидесяти со сломанной голенью. Ему было скучно лежать, а я была единственным слушателем, который не мог уйти, пока не размочит старый бинт.

— Тринадцатую осень воюем, — сообщил он потолку. — Я на эту войну шёл с чёрной бородой. Думал, к весне управимся, сходим на север, спалим его гнездо и по домам.

Я отлепляла присохшую ткань и молчала. Чем кончился тот поход, было видно по койкам вокруг.

— Туда дойти нельзя, лекарка. Там на десять дней пути земля его, и стоят они на ней плотно, плечо к плечу. Сам-то он к нам не идёт. Сидит у себя и шлёт. Сотню положим, он две пришлёт, ему их кормить не надо. — Олаф зашипел сквозь зубы, когда я добралась до раны. — Дед мой ещё застал драконов. Говорил, они такое поле выжигали за один заход. Драконы кончились, а эти пришли.

Я слушала и раскладывала услышанное по полкам. Противник не устаёт и не требует снабжения, восполняет потери быстрее, чем их наносят, и управляется из одного центра, до которого не дотянуться. Единственное средство массового поражения утрачено два поколения назад. Война на истощение, в которой истощается одна сторона. Если бы мне принесли такую сводку по вспышке, я бы сказала, что очаг давно вышел из-под контроля и что двенадцать лет его сдерживают кордонами, не понимая, с чем имеют дело.

Сравнение пришло само, по привычке. Я отметила его и отложила.

— А имя у него есть? — спросила я. — У того, кто шлёт.

Олаф повернул ко мне голову. Глаза у него были светлые и очень трезвые.

— Крепко тебя приложило, — сказал он без насмешки. — Серав. Ты уж при молодых не спрашивай, им и так страшно.

К вечеру дождь усилился. Окна потемнели, пламя в железных клетках разгорелось ярче, и по сводам пошли длинные тени от столбов. Я сидела на своей койке, сложив на коленях руки с чужими мозолями, и чувствовала, как гудят ноги, когда двери трапезной открыли с обеих створок.

Двое обозных, мокрых до нитки, внесли на плаще парня лет восемнадцати. Он был в сознании и вертел головой, разглядывая своды.

— С заставы у Серого брода, — сказал старший обозный Орвину. — Мертвяк цапнул, позавчера. Сотник велел к вам, у них перевязать нечем.

— Его надо отдельно, — сказала я и встала раньше, чем успела подумать. — За ширму, в дальний угол, и чтобы рану никто не трогал голыми руками.

В зале стало слышно дождь. Олаф на своей койке перестал скрести ложкой по миске. Обозные застыли с плащом на весу, парень на плаще приподнялся на локте и уставился на меня с обидой.

— Элара, — сказал Орвин осторожно. — Это укус.

— Я слышала.

— Ты таких перевязала больше моего. Весной сама смеялась над новобранцами, которые боялись есть с кусаными из одного котла.

Он смотрел на меня уже без утренней ласки, внимательно, как на больного, у которого жар оказался выше, чем думали. Лисса за его плечом приоткрыла рот. Я поняла, что сейчас потрачу весь кредит, который дала мне контузия, и что обратного хода у этой фразы нет.

— Положите сюда. — Я показала на свою койку. — Я посмотрю сама.

Парня звали Тобин, он сказал это сразу, не дожидаясь вопроса, и добавил, что он живой и нечего от него шарахаться. Укус пришёлся на правое предплечье, с внешней стороны. Повязку на заставе сделали из рукава рубахи. Я вымыла руки, размотала её и придвинула ближе клетку с огнём.

След зубов читался ясно, два полукруга, человеческая челюсть. Мягкие ткани были про-
рваны глубоко, до мышцы. Я ждала того, что видела весь день на шестидесяти койках: красноты, отёка, жёлтого отделяемого. Человеческий укус считается одной из самых грязных ран, какие вообще бывают, а этот нанесли челюсти мертвеца.

Рана была чистой.

Края у неё оказались серые и сухие, плотные на ощупь. Кожа вокруг на ширину ладони побледнела и остыла, я чувствовала разницу тыльной стороной пальцев. Отёка не было. Гноя на третий день не появилось ни капли, и ничем не пахло. Такую ткань я видела тысячи раз, только не на живых людях: так выглядит образец, который подержали в фиксирующем растворе, чтобы в нём остановилось всё, что могло расти, делиться и разлагаться.

— Болит? — спросила я.

— Не. Как чужая. — Тобин пошевелил пальцами, они слушались. — Только зябко в ней.

— Жар был? Трясло?

— Не было ничего. Сотник говорит, заживёт к зиме, след серый останется, и всё.

Я подняла голову. Орвин стоял надо мной, заложив руки за спину, и ждал.

— Сколько кусаных прошло через лазарет за войну?

— Тысячи. Я бросил считать на третий год.

— И никто из них не стал таким же?

— От укуса не обращаются, девочка, — сказал он мягко. — Мёртвых поднимает Серав, своей волей, из тех, кто пал на его земле. Живому человеку от них только рана, долгая и холодная. Это знает каждый ребёнок.

Каждый ребёнок знал, а я нет, и за весь этот день незнание впервые оказалось мне на руку. Все в зале смотрели на серые края и видели привычное. Я видела вопрос.

В пасти у мертвеца сидело нечто, способное за два дня остановить в ране всё живое, вплоть до той мелочи, от которой гноятся остальные шестьдесят человек в этом зале. Оно годами попадало в кровь тысячам людей. И ни в одном из них не прижилось. Я всю жизнь изучаю то, что стремится распространяться, и знаю, как оно себя ведёт, когда получает прямую дорогу в новый организм. Это вело себя наоборот: имело идеальный путь передачи и ни разу им не воспользовалось. Значит, чего-то в живом Тобине ему не хватало. Чего?

Я попросила у Лиссы свежего кипятка и чистого полотна и начала перевязывать, и поймала себя на том, что мне интересно. Чувство было неуместное для женщины, которая утром умерла. Другого у меня не нашлось.

Глава 3. Теория

Под утро, ещё в темноте, умер маг с ожогом, тот самый, из третьей сотни. Я слышала, как он затих: сначала перестал стонать, потом дышать, а помощник у столба так и продремал. Я дошла до его койки босиком. Повязка у него на груди промокла жёлтым насквозь, и кожа вокруг была горячая даже теперь. Вчера я видела тряпку, которой его обтирали, видела ведро, поняла, чем это кончится, и до вечера занималась чужим вкусом, потому что вкус был интереснее. Его вынесли до света и сожгли за стеной. Этот человек убил Элору и не узнал об этом. Я не успела спросить, как его звали, и картотека на его лицо промолчала.

Потом я всё-таки уснула и проснулась от холода за ширмой, под одеялом Элоры. Дождь кончился, замок стоял в тумане. Первые секунды я честно ждала увидеть потолок своей спальни. Потолок оказался каменный, в копоти. Гипотезу про реанимацию и прощальное кино я с этого утра держала в запасе уже больше для порядка.

Тобина положили через две койки от меня, отгораживать его, разумеется, никто не стал. Он спал, свесив здоровую руку до пола. Я вымыла руки в остывшей воде, размотала повязку и придвинула клетку с огнём. Вчера я обвела серую кайму угольком по коже, и за ночь серость не перешла черту даже на толщину линии. Шёл четвёртый день после укуса, а рана вела себя как вещь, которую положили на полку и забыли.

Вчерашний вопрос за ночь оброс вторым. Если это нечто не приживается в живом человеке, то где оно приживается? Ответ напрашивался сам, а такие ответы на моей памяти слишком часто рассыпались при первой проверке. Мне нужен был образец.

Орвина я нашла у котла с отваром. Он мешал варево длинной ложкой и слушал меня, не поднимая глаз, пока я не дошла до сути.

— Кусок мертвеца, — сказал он. — В мой лазарет.

— Небольшой. С ладонь.

Ложка остановилась. Двое помощников у стены бросили щипать полотно и уставились на нас. Олаф на своей койке приподнялся на локтях: ему наконец показывали что-то интереснее потолка.

— Девочка, — произнёс Орвин очень ровно, — мёртвое за стены не вносят. Этому закону двенадцать лет, и писали его кровью. За него вешали.

Я ответила, что закон правильный и что я сама написала бы его, если бы его не было. Орвин моргнул. Он приготовился спорить, а спорить оказалось не с чем.

— Тогда чего тебе надо?

— Понять, чем оно кусает. — Я кивнула на котёл. — Ваша мать пекла хлеб?

— Каждую неделю.

— Она брала щепоть старой закваски и клала в новое тесто, и к утру всё тесто делалось закваской. Никто не видел, что в ней сидит. Но каждая хозяйка знает, что оно живое: его можно уморить голодом, можно убить кипятком. Пекарю незачем его видеть. Ему хватает знать, чего оно боится.

— Мертвецов поднимает заклятие, — сказал Орвин. — В ордене это знают, им виднее.

— В ордене двенадцать лет смотрят на каравай. Я прошу дать мне заглянуть в горшок с закваской.

Он долго мешал отвар. Пар поднимался ему в лицо, оседал каплями на седых бровях, и по этому лицу я видела, что слова он понял все до одного, а меня понимать перестал.

— Элора о таком не спрашивала, — проговорил он наконец. — Элора знала травы и знала своё место.

Я сказала то, что лежало ближе всего к правде: Элара вчера три минуты пробыла мёртвой, и оттуда, возможно, кое-что видно лучше. Орвин посмотрел на меня поверх котла. Во взгляде его читалось, что контузию он мне засчитал и что запас её на исходе.

— В стены не пушу, — сказал он. — А что ты делаешь за стенами, пока мне хватает рук, я знать не обязан.

Лисса догнала меня у кладовой. Она слышала разговор от первого слова, это было написано у неё на лице. Сажу она за ночь отмыла, оставив серую полосу за ухом.

— Тебе правда надо? — спросила она шёпотом. — Или это от удара?

— Правда надо.

Она оглянулась на зал и потянула меня за рукав внутрь, под пучки сухих трав. В кладовой пахло пылью и мятой. Лисса заговорила быстро, глотая окончания. С застав, сказала она, каждую неделю приходит обоз с железом: шлемы, щиты, наконечники, всё, что собрали после стычки и что годится в перековку. Вчерашний обоз с Серого брода привёз Тобина и заодно две телеги такого добра. В замок его сразу не везут, сваливают на Жжёном дворе за северными воротами, и кто-нибудь из младшего круга его прокаливает.

— Зачем прокалывать железо?

— На нём остаётся. — Лисса сморщила нос. — Они же вцепляются. Мертвяка срубишь, а рука на щите висит. Бывает, зубы в ремне. Обозные такое не трогают, жечь положено нам.

— И чья сейчас очередь?

Она показала мне ладони, от которых шло ровное тепло. Вопросов у меня больше не было.

Мы вышли после полудня, когда Орвин встал к своему столу. Лисса прятала под балахоном кухонные щипцы, я несла узел с рукавицами из промасленной кожи, горшком щёлока и стопкой чистого полотна. Рукавицы я выпросила у прачки под честное слово, что верну. Слово это я дала легко, потому что собиралась их сжечь.

Замка снаружи я ещё не видела. Память Элара знала его весь, только знание это лежало во мне плоское, как чертёж. Вестмар стоял на холме над рекой, тёмный, сложенный из того же грубого камня, что и трапезная, с приземистыми башнями под мокрой черепицей. Туман заполнил низину и поднимался к стенам, так что нижний город угадывался по дымам и петушиному крику. За рекой тянулись убранные поля в бурой стерне, за полями начинался лес. Дорога от северных ворот уходила в него прямая, разбитая колёсами, и небо над тем краем было темнее, чем над остальными. Лисса в ту сторону не смотрела.

Стражник в воротах узнал лекарку и спросил, куда нас несёт. Лисса сказала, что жечь железо. Про меня он спрашивать не стал, только проводил взглядом узел.

Жжёный двор лежал в двух сотнях шагов от стены, за земляным валом. Земля внутри вала спеклась в чёрную корку и хрустела под ногами, как битое стекло. У дальнего края стоял навес на четырёх столбах с очагом под ним, рядом две телеги, уже пустые, и груда железа, сваленная посреди двора. На оглобле сидел старший обозный, который вчера вносил Тобина, и ел хлеб с луком.

— Лекарка, — сказал он, прожевав. — Парень-то живой?

— Живой и обиженный.

— Это у него пройдёт. — Он оглядел мой узел, щипцы у Лиссы под балахоном и нахмурился. — А вы чего вдвоём?

Я объяснила. Объяснение вышло коротким, потому что закваску я приберегла для тех, кто умеет запрещать. Обозный, которого звали Гарт, дослушал, положил недоеденный лук на телегу и отодвинул его от меня подальше, на всякий случай.

— Мне сорок шестой год, — сообщил он. — Я видал, как от них бабы без чувств падают. Видал, как мужики падают. Чтобы от них кто кусок на память отрезал, такого не видал.

— На память я бы взяла что-нибудь другое.

— Жечь — ваше дело, орденское, — сказал Гарт Лиссе, решив, что со мной говорить бесполезно. — Я железо привёз, я железо и увезу. Что между тем и этим, меня не касается.

Он отвернулся и взялся за лук. Я натянула рукавицы и пошла к груде.

Первым я заметила то, чего на дворе не доставало. У выгребной ямы за кухней, мимо которой мы только что шли, орало вороньё и висела туча осенних мух. Здесь лежало железо с боя, в бурых потёках, с клочьями волос под заклёпками, и над ним не кружило ни одной птицы. Мух не было тоже. Падальщики этого мира, существа небрезгливые, обходили Жжёный двор стороной.

Кисть нашлась на третьем щите. Она держалась за кромку четырьмя пальцами, большой был срублен вместе с куском запястья. Кожа на ней высохла и обтянула кости, цветом она повторяла кайму на ране Тобины. Гнилью от неё не пахло. Пахло погребом, а под этим, совсем слабо, держался грозовой запах, который в трапезной означал, что рядом работали магией.

Я взяла щипцы и попробовала разжать пальцы. Щипцы соскользнули. Я попробовала ещё раз, навалившись, и добилась только того, что щит поехал по груде.

— Они не отпускают, — сказала Лисса у меня за плечом. — Пальцы ломать надо.

Ломать я не дала, кисть была нужна мне целой. Лисса прожгла кромку щита по обе стороны от неё, и кисть осталась у меня в щипцах, с обугленной щепкой в горсти. Мышцы, которым неоткуда брать силу, третьи сутки держали дерево крепче, чем я когда-то держала поручень в метро. Этот факт я занесла в уме первой строкой и поставила возле него пометку, что он мне не нравится.

Под навесом нашёлся плоский камень, годный вместо стола. Я срезала кухонным ножом несколько полос там, где запястье переходило в предплечье, и долго разглядывала срез. Ткань была плотная, как вяленая, и серая насквозь. Крови в ней не осталось. По ходу сосудов тянулись тёмные нити с волос толщиной, они ветвились там, где ветвились сосуды, и уходили в мышцу. Без микроскопа я могла назвать это только нитями. Но располагались они так, как располагается всё, что растёт по готовым путям: грибница в старом пне, плесень в хлебном мякише.

— Посмотри ты, — попросила я Лиссу. — По-своему. Руками не трогай.

— Гудит, — сказала она, поддерживая ладонь над срезом и закрыв глаза. — Тихо. Как заклятие, которое бросили и ушли.

— Его можно снять?

— Магистры пробовали. Расплетать. — Она открыла глаза. — Нас учат, что Серав плетёт слишком хитро и конца нити не найти. Я на учёбе держала такое в руках, то есть над руками. Там правда нет конца. Оно всё одинаковое, куда ни ткнись.

Заклятие, у которого нет ни начала, ни конца и которое всюду одинаково. Я знала немало вещей, устроенных таким образом, и ни одну из них никто не сплетал.

Дальше началась работа, знакомая мне до последнего движения, хотя ни одного привычного предмета под рукой не оказалось. Вместо бокса у меня был навес, продуваемый с трёх сторон, вместо горелки Лисса, которая обжигала мне нож прямо в ладони. Свиную вырезку я купила у повара за медную монету из кошелька Эллары, двух мышей принёс поварёнок за вторую. По моим прежним меркам это была лучшая смета за всю мою научную жизнь.

Опыт я поставила такой, чтобы он отвечал на один вопрос и не позволял мне себя обмануть. Полоску серой ткани я положила на кусок свежего мяса и накрыла миской. Второй кусок того же мяса лёг под другую миску сам по себе. Третью полоску я прокипятила в горшке, пока Лисса дважды прочла вслух утреннее правило своего ордена, и только потом положила на мясо. Первой мышью я ввела под кожу на заживке крошку серой ткани на кончике швейной иглы. Вторую уколола чистой иглой и посадила в соседнюю клетку.

— А вторую зачем? — спросила Лисса. — Ты же с ней ничего не сделала.

— Она нужна, чтобы ничего с ней не делать. Это самая важная работа в науке, и её вечно некому поручить.

Лисса подумала и назвала вторую мышь Коркой. Первой она имени давать не стала.

Гарт уезжал со своими телегами в тот же вечер. Перед отъездом я успела задать ему вопрос, который пришёл мне в голову над срезом.

— Ваши убитые, — начала я. — Те, кого не успели вынести с поля. Что с ними бывает?

— Своих мы жжём, — ответил Гарт, глядя на меня так же, как в ту минуту, когда отодвигал лук. — В тот же день, хоть ночью, хоть под стрелами. А кого не вынесли и не сожгли, тех на третью ночь встречаем. В своих же кольчугах. — Он сплюнул в сторону. — У Серава руки длинные.

На третью ночь. Я запомнила эту цифру и ничего не сказала про руки. Гарт обошёл навес по широкой дуге и напоследок сказал Лиссе, что железо может подождать, раз у лекарки такое дело, только пусть потом прокалят как следует.

Мы ходили на Жжёный двор четыре дня. Туман держался первые два, на третий его согнал ветер с реки, и открылись поля до самого леса, рыжие, с чёрными заплатами пашни. На четвёртое утро трава вдоль вала побелела от инея и вода в моём горшке схватилась корочкой льда.

Мясо под мисками отвечало мне медленно и без сюрпризов. К исходу первых суток под серой полоской появилось пятно того же цвета, шириной в ноготь. На вторые сутки оно расплзлось на два пальца, и мясо в этом месте стало плотным и холодным, холоднее, чем осенний воздух под навесом. Кусок, лежавший сам по себе, за это время потемнел, обветрился и начал пахнуть так, как положено пахнуть мясу на третий день без льда. К нему, одному на всём дворе, слетелись мухи: на чистое мясо они шли и сюда. К серому куску не подлетела ни одна. Под кипячёной полоской мясо портилось по-обычному, и серости в нём не появилось.

К четвёртому утру первый кусок посерел целиком, насквозь, я разрежала его и нашла на срезе знакомые тёмные нити. Двигаться он, слава богу, не начал. Он просто лежал, холодный, сухой, не гниющий, и ждал чего-то, чего под моим навесом не было.

Мышь без имени все четыре дня ела, пила и чистила усы. На загровке у неё под шерстью я нащупала холодное уплотнение размером с чечевичное зерно. Оно появилось в первые сутки и с тех пор не выросло. Корка была здорова и толстела.

Вечером четвёртого дня я села на камень под навесом и сложила это вместе, так, как сложила бы в отчёте. Агент передаётся при прямом контакте. Мёртвую ткань он занимает полностью, за трое-четверо суток, продвигаясь вдоль сосудов. Солдатский счёт про третью ночь сходил с моими мисками лучше, чем мне хотелось бы. Живую ткань он занять не может: на границе с живым он останавливается и держит черту, одинаково у мыши и у Тобина. Кипячение его убивает. Всё прочее, что питается мертвечиной, от мух до той мелочи, из-за которой мясо гниёт, рядом с ним не выживает. Значит, в живом теле ему что-то мешает войти, либо в мёртвом открывается дверь, которая у живого заперта.

Это было очень похоже на то, чем я занималась всю жизнь, и одним пунктом отличалось. Мои вирусы не гудят под ладонью у мага.

— Лисса, — сказала я. — Мне нужно, чтобы ты дала ему немного тепла. Самую малость. Как воде в ведре, только вдесятеро слабее.

Она побледнела, и я её понимала. Жечь мёртвое её учили, кормить мёртвое с руки ей до сих пор никто не предлагал. Но ладонь над отрубленной кистью она всё-таки протянула и держала, пока я считала про себя до двадцати.

Кисть лежала на камне там же, где я оставила её в первый день, пальцами вверх, со щепкой от щита в горсти. На счёте «двенадцать» пальцы дрогнули. Они сошлись плотнее, на толщину соломины, и под ногтями сухо треснуло.

— Оно взяло, — выговорила Лисса, отдернув руку и прижав её к груди. — Я дала, а оно взяло, само, я даже не толкала. Как в песок ушло.

Губы у неё посерели. Грея ведро до кипятка, она даже не запыхалась, а тут привалилась к столбу и съехала по нему на корточках. Я дала ей воды и села рядом на мёрзлую землю.

Вот чего не доставало под моим навесом. Мясо в миске лежало тихо, потому что двигаться ему было не на что. Здешняя зараза умела занять мёртвое тело и не умела его поднять, ей требовалась сила со стороны, и брала она эту силу там, где находила. Передо мной лежала болезнь, которую магия когда-то переделала под себя и которая с тех пор жила по собственным правилам. Чистым заклятием она давно перестала быть. Серав, судя по всему, сам не понимал, что создал: он думал, что поднимает мертвецов своей волей, а они в это время им кормились.

Отсюда выходило ещё кое-что, и над этим я просидела до темноты. Орден с первой битвы бил по ордам всем, что умел. Огонь их убивал. Остальное, если я правильно прочла посеревшие губы Лиссы, они ели.

Нас накрыли на пятый день, ближе к полудню. Донёс, как я потом узнала, стражник с северных ворот, которому надоело смотреть, как две женщины ходят жечь железо и возвращаются, оставив его на месте.

По дороге от ворот шли трое в орденских балахонах. Тот, что шагал впереди, был высок, сух, и балахон на нём сидел по росту, с серебряной нитью по вороту. Лисса увидела его раньше меня и встала так резко, что опрокинула горшок.

— Магистр Ревальд, — сказала она одними губами. — Голос ордена в совете.

Магистр вошёл под навес и какое-то время ничего не говорил. Он рассматривал камень, миски, серое мясо на срезе, кисть, клетки с мышами. На меня он взглянул в последнюю очередь, как на часть обстановки.

— Младшая Лисса, — произнёс он. — Тебя послали прокалить железо. Вместо этого ты пять дней держишь скверну в двухстах шагах от королевской стены и носишь ей еду. За меньшее лишают круга.

— Она делала то, о чём я просила, — сказала я. — Спрашивать надо с меня.

— С тебя спросят тоже, лекарка. С тобой я разберусь через мастера Орвина, которому давно пора смотреть, кто у него стоит у котла. — Он кивнул своим спутникам. — Сжечь. Всё, что под навесом, вместе с навесом.

Двое в балахонах шагнули вперёд. Времени у меня оставалось на одну фразу, и я потратила её на вопрос.

— Магистр, когда ваши маги бьют по орде чем-нибудь кроме огня, что бывает?

Он остановил спутников движением ладони. Думаю, его остановила наглость.

— Заклятие Серава гасит удар. Об этом знает любой послушник.

— Оно его ест.

Ревальд усмехнулся. Я попросила его сделать то, что накануне делала Лисса: поддержать ладонь над мёртвой кистью и дать ей немного силы, сколько сочтёт нужным. Если я ошибаюсь, сказала я, он ничего не теряет и жжёт всё это с чистой совестью. Лисса за моей спиной перестала дышать.

Магистр не унился до спора. Он протянул руку над камнем небрежно, между делом, и под навесом запахло грозой так, что у меня заныли зубы. Силы он, в отличие от Лиссы, не пожалел.

Кисть сжалась в кулак. Она сжалась сразу, с хрустом, раздавив щепку и сломав себе два пальца, и поползла. Обрубок запястья скрёб по камню, кулак подтягивался за ним рывками, на ладонь за раз, прямо к руке, которая его кормила.

Ревальд отдернул руку и отступил. Один из его спутников ударил огнём без приказа, и кисть на камне вспыхнула, затрещала и рассыпалась в золу. От жара у меня стянуло кожу на лице. Потом под навесом стало слышно, как Корка грызёт прутья клетки.

— Это ничего не доказывает, — сказал Ревальд. Голос у него остался ровным, а правую ладонь он вытирал о балахон и сам этого не замечал. — Скверна откликается на силу. Что с того?

— Что ваши боевые маги всю войну её подкармливают.

Он побелел скулами. Я увидела, как он выбирает между ответом и приказом, и выбор этот сделали за него. От вала слышался стук палки по мёрзлой земле. Мастер Орвин шёл через Жжённый двор, припадая на левую ногу сильнее обычного, в одной шерстяной рубаше, без плаща. Дорогу от ворот в его годы и с его коленом надо было очень захотеть одолеть.

— Мне донесли позже, чем тебе, — сказал он Ревальду вместо приветствия и остановился отдышаться. — Что тут у вас?

Отвечать пришлось мне. Я показала ему миски, все три, и дала разрезать серое мясо его собственным ножом. Показала мышь с холодным зерном на заливке и рядом здоровую. Про руку рассказала Лисса, сбиваясь и глядя в землю, и магистр её не перебил. Орвин слушал, мял в пальцах серый срез, нюхал его и молчал долго. Потом он вытер нож о полотно и бросил полотно в очаг.

— Жги, Ревальд, — сказал он. — Она сама сожгла бы сегодня к вечеру, я её знаю. А говорить об этом будем послезавтра, в совете. У старшего целителя есть право привести туда лекаря, и я им ни разу не пользовался.

— Ты приведёшь в королевский совет девчонку, которая на днях ударила головой.

— Приведу. Ты ведь тоже видел, как оно ползло.

Навес сгорел за четверть часа. Я стояла у вала с двумя клетками в руках и смотрела, как орденские выжигают камень, очаг, миски, мои рукавицы и стопку полотна. Мышей я им не отдала. Закон запрещал вносить за стены мёртвое, а обе мои мыши были живы, и одна из них служила единственным в королевстве доказательством того, что живое эту заразу держит. Ревальд выслушал это с лицом человека, которому подали счёт, и ушёл не оборачиваясь.

Два дня до совета я перевязывала раненых и мыла руки. Тобин ходил за мной по лазарету и требовал сказать, что такого интересного в его укусе, раз из-за него лекарку таскают к королю. Олаф предложил поставить на меня свой ужин. Желающих спорить с ним не нашлось, и ужин он съел сам.

В назначенный день Орвин зашёл за мной сам, в чистом балахоне, с расчёсанной бородой. Он оглядел меня от платка до башмаков, потом клетку в моей руке, и вздохнул.

— Говорить будешь ты, — сказал он. — Я только открою дверь. И запомни: король слушает до конца, остальные нет.

Мы поднимались долго. Лестница в королевскую башню шла винтом, в узких окнах мелькали то река, то крыши нижнего города, то лес на севере под низким небом. Чужие ноги несли меня вверх легко, чужое сердце билось ровно, и я подумала, что Эларе на этой лестнице было бы страшнее моего. Она знала этих людей в лицо. Я знала только, что права, а этого для учёного совета хватает редко, для королевского, надо полагать, тем более.

У дверей стояли двое стражников с алебардами. Старший посмотрел на Орвина, на меня, на клетку, в которой Корка умывалась обеими лапами, и ещё раз на меня.

— Мастер Орвин к совету, — доложил он в приоткрытую створку. — С ним лекарка Элара. — Он помедлил и честно добавил: — С мышами.

Глава 4. Совет

За створкой помолчали. Потом молодой голос сказал, что мышей в совете ещё не бывало и что пусть войдут все. Стражник распахнул дверь, Орвин тронул меня за локоть, и я переступила порог с клеткой в каждой руке.

Зал совета занимал верх башни целиком. Он был круглый, с узкими окнами на все стороны света, и в северные глядел тот же лес под низким небом, что провожал меня на лестнице. Посередине стоял стол тёмного дуба, вдоль него горели в железных клетках огни без дыма. Гобеленов и золота, которых я ждала от королевских покоев, здесь не водилось. На стене против двери висела карта во всю высоту кладки, но сначала мне надо было понять, кто из этих людей король.

Короля я вычислила по тому, что он один сидел боком, закинув локоть на спинку кресла. Память Элары подала имя с опозданием: Альрик, шестой год на троне. Ему было лет двадцать пять. Под глазами у него лежали серые тени, какие я видела у ординаторов после третьего суточного дежурства подряд, а на рукаве суконной куртки темнело чернильное пятно. Корону он, надо полагать, держал где-то в другом месте.

За столом сидели ещё трое. Магистра Ревальда я узнала сразу, он смотрел на мои клетки, как на грязь, принесённую на подошвах. Рядом с ним перебирала восковые таблички сухая женщина в сером, с ключами на поясе. Это была казначей Ильда, которую в лазарете поминали всякий раз, когда кончалось полотно. По правую руку от короля сидел старик с перебитым носом и руками молотобойца, маршал Торвальд.

Четвёртый человек за стол не садился. Он стоял у северного окна, привалившись плечом к откосу, в дорожной куртке с засохшей глиной по подолу, и картотека Элары на него ничего не выдала. Лет сорока, коротко стриженный, с лицом, на котором давно ничего не менялось. Он взглянул на меня один раз, внимательно, и отвернулся к лесу.

Орвин поклонился. Я повторила за ним с задержкой на полсекунды, и клетки качнулись у меня в руках.

— Мастер Орвин, — сказал король. — Вы двенадцать лет никого сюда не приводили. Я начал думать, что вам у нас не нравится.

— Мне нечего было сказать, государь. Теперь есть что, и скажет это она.

— Государь. — Ревальд подался вперёд. — Прежде чем эта женщина откроет рот, совет должен знать, что неделю назад её ударило о стену так, что остановилось сердце. С тех пор она не узнаёт собственных трав, пять дней держала скверну под королевской стеной и сбила с пути младшую моего ордена.

— Вы рассказали мне это вчера, магистр. Дважды. — Альрик повернулся ко мне. — Говори, лекарка. Коротко. После тебя у нас обоз с зерном и три прошения.

Регламент я узнала сразу, он одинаков во всех мирах: десять минут на доклад, вопросы в конце, председатель устал ещё до тебя. Я поставила клетки на край стола. Корка тут же принялась умываться, безымянная мышь забилась в угол.

Начала я с того, что можно потрогать. Рассказала про рану Тобина, которая на десятый день держит ту же черту, что и на третий. Потом про три миски с мясом и про холодное зерно на заливке у мыши, которое за неделю не выросло. Орвин после каждого куска кивал и говорил «видел», и я была благодарна ему больше, чем умела показать: слово старшего целителя весило в этом зале, а моё пока шло довеском.

— Отсюда выходит вот что, — сказала я. — Мертвецы — это болезнь. Заразная. Болеют ею мёртвые тела, живое она взять не может. То, что орден зовёт закланием Серава, живёт и растёт само, а магией кормится, как огонь дровами.

Казначей перестала перебирать таблички. Маршал Торвальд разглядывал меня из-под бровей, как новобранца, заявившего, что знает, как выиграть войну.

— Болезни лечат, — прогудел он. — Ты берёшься вылечить мертвеца?

— Мертвеца лечить поздно. Я берусь найти средство, после которого зараза не сможет занять тело. Или сдохнет в том, которое уже заняла.

— И что это за средство?

— Пока не знаю.

Ильда стукнула стилем по воску. Король не шевельнулся, но я видела, что он отметил этот ответ и отложил его куда-то, откуда достанет позже. Человек у окна по-прежнему смотрел на лес.

Тогда я подошла к карте. Мне хотелось сделать это с первой минуты, с порога, и я честно терпела, пока не кончились мыши.

Королевство Аркейн было выписано на телячьей коже тонко и любовно: синие жилы рек, зубцы гор на востоке, города с крошечными башенками. Вестмар сидел в излучине реки ближе к северному краю. Над ним, через поля и лес, кожу заливала серая краска, и по серому шли линии, одна под другой, каждая с цифрой у края. Двенадцать линий. Кто-то из писцов год за годом отмечал, докуда дошла земля мёртвых к первому снегу.

Передо мной висела карта вспышки. Подробнее этой я в руках не держала, и вели её год за годом люди, которые не знали, что ведут.

— Маршал, — попросила я, — линии идут неровно. В какой год граница прыгнула сильнее всего?

— В шестой, — ответил он, не глядя на карту. — После Каменного поля.

— Сколько там билось магов?

Торвальд промолчал, и вместо него заговорил Ревальд. Голос у него сел.

— Весь старший круг. Сорок один магистр. Вернулось девятнадцать.

— Чем они били?

— Всем, что имели.

Я провела пальцем от пятой линии до шестой. Между ними помещалось столько, сколько серость проходила за три обычных года. Потом я нашла место, где две линии почти слиплись, и спросила про него.

— Девятый год, — сказал маршал. — Орден зализывал раны, магов на заставах не было вовсе. Держались кострами и смолой. — Он помолчал и добавил медленнее: — Тихий был год. Мы тогда думали, Серав выдохся.

В зале стало слышно, как потрескивает огонь в клетках. Ильда смотрела на карту, сведя брови, и губы её шевелились: она считала. Я не стала ничего объяснять. Цифры на телячьей коже говорили внятнее меня, и принадлежали они не мне.

— Ты смеешь утверждать, — произнёс Ревальд, поднимаясь, — что двадцать два магистра легли на Каменном поле, чтобы накормить врага.

— Они этого не знали, магистр. Никто не знал. Виноватых за шестой год я не ищу, меня заботит тринадцатый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.